
X'Cin
Абсурд
Порока

Джина Стикс

Абсурд Порока

«Автор»
2026

Стикс Д.

Абсурд Порока / Д. Стикс — «Автор», 2026

В 2027 году, в альтернативной реальности нашего времени.Экзотика стала новой религией высшего общества. То, что прежде считалось пороком, теперь возводилось в ранг искусства. А декаденты превратились в новую элиту — людей, чьи таланты, красота и исключительность превозносились до небывалых высот.В самом сердце этого мира возвысился Ционис — один из наиболее талантливых и влиятельных декадентов, владелец знаменитого клуба «X'Cin».В X'Cin каждый может стать объектом желания. Но никто не может претендовать на самого Циониса. Так было...До встречи со мной...

© Стикс Д., 2026
© Автор, 2026

Джина Стикс
Абсурд Порока

Пролог.

В 2027 году. В альтернативной реальности нашего времени...

Мир погрузился в состояние культурного упадка. Общество переживало эпоху апатии, духовной опустошённости и моральной деградации. Старые ценности и привычные устои нравственности утратили своё первоначальное значение, приобретя извращённые формы удовольствия.

Экзотика стала новой религией высшего общества. То, что прежде считалось пороком, теперь возводилось в ранг искусства. А декаденты превратились в новую элиту — людей, чьи таланты, красота и исключительность превозносились до небывалых высот.

Рим.

В самом сердце этого мира возвысился Ционис — один из наиболее талантливых и влиятельных декадентов, владелец знаменитого клуба «X'Cin».

Он превратил танцы декаданса в изысканное искусство соблазнения, выведя их далеко за пределы развлечения. Его постановки стали настоящим визуальным экстазом, доступным лишь избранным. Высшее общество жаждало попасть на его представления, а имя Циониса приобрело почти культовый статус.

Ционис — высокомерный эстет и интеллектуальный гедонист. Человек, годами оттачивавший мастерство обольщения, изучавший психологию желания, языки, этикет и тонкости человеческой натуры.

Он безупречен внешне. Изящен, утончён, обладает природным магнетизмом. Его желают и женщины, и мужчины. Он умеет очаровать одним взглядом, одной улыбкой, одной фразой, произнесённой на нужном языке.

Но за его безупречной оболочкой скрывается странная особенность: Ционис брезглив к физическим прикосновениям.

Он может позволить человеку мечтать о близости, заставить его поверить в собственную исключительность, но сам никогда не позволит перейти невидимую границу.

Для него соблазнение — искусство, желание — инструмент, а недоступность — высшая форма власти.

В X'Cin каждый может стать объектом желания. Но никто не может претендовать на самого Циониса.

1.

Мне удалось выбить этот офис у инвесторов и добиться наконец согласия потратить свои же деньги. Никогда бы не подумала, что работая на благо общества и открывая каждую лабораторию за свой счет, я буду иметь столько трудностей. Но свершилось. Мой новый проект по расширению дошёл и до Рима.

Я Фрэя Райдэн, лучшая учённая, получившая Нобелевскую премию по химии и косметологическим разработкам высокомолекулярных соединений. Талантлива и трудолюбива, но увы не особо социализирована в высших кругах куда мне открыта дорога.

Новая лаборатория была расположена в самом лучшем районе города. Здесь обосновались все сливки общества. Я работала допоздна и выкладывалась на полную, получая от этого наслаждения и результат.

Каждый раз возвращаясь домой я заглядывала в разные заведения этого замечательного района и выпивала по одному эксклюзивному коктейлю, балуя тем самым себя и расслабляясь откинув рабочие мысли.

Ционис стоял у бара лениво пролистывал сообщение: очередная поклонница обещала «всё, чего он пожелает». Он едва заметно усмехнулся - и в ту же секунду холодный коктейль пролился на его шёлковый рукав. Он медленно поднял взгляд на меня, оценил пятно и чуть сморщил нос.

Какая эффектная попытка привлечь внимание. Жаль, мой шёлк не разделяет вашего энтузиазма!

Ох простите, не заметила вас! – изначально не признав местного декадента.

Ционис медленно перевел взгляд с испорченного рукава на моё лицо. Его голубые глаза смотрели с легким, почти отеческим снисхождением, хотя в глубине зрачков читалось явное раздражение. Он не спешил принимать извинения, вместо этого он аккуратно, кончиками пальцев, стряхнул каплю жидкости с ткани, словно стараясь стереть само воспоминание об этом инциденте.

«Не заметила»? - повторил он вкрадчивым шепотом, чуть склонив голову набок. - В «X'Cin» принято смотреть внимательнее. Здесь всё построено на визуальном наслаждении, а вы... - он сделал паузу, окидывая меня быстрым, оценивающим взглядом, который больше напоминал осмотр антиквариата в галерее, чем интерес к женщине. - ...слишком невнимательны для этого места.

Он чуть отодвинулся, создавая между нами ту самую невидимую стеклянную стену, и снова вернулся к своему телефону, давая понять, что инцидент исчерпан, но интерес к собеседнице не возник. Вокруг гремела приглушенная музыка, кто-то из гостей громко рассмеялся за соседним столиком, а вибрация пола от работы мощных сабвуферов передавалась даже через дорогую подошву его туфель.

Я подозвала бармена и попросила сделать мне ещё коктейль, взамен тому что был разлит, полностью игнорируя присутствия Цициса.

Ционис замер, его пальцы всё ещё сжимали телефон, а взгляд остался прикован к моему профилю. Такое отношение было для него в новинку. Обычно люди в «X`Cin» либо заикались от восторга, либо пытались загладить вину, предлагая деньги или услуги. А здесь - абсолютный, почти стерильный игнор.

Он медленно опустил руку с телефоном, наблюдая за тем, как бармен послушно кивает и начинает смешивать новый напиток. В воздухе смешались запахи дорогого парфюма, табака и цитрусовых нот моего коктейля. Ционис чуть приподнял одну серебристую бровь, чувствуя, как его задевает эта внезапная потеря центра внимания.

Какая поразительная уверенность в себе, - произнес он, и в его голосе проскользнула ироничная нотка. - Вы даже не попытались предложить компенсацию за испорченную вещь. Либо вы очень богаты, либо просто не понимаете, с кем разговариваете.

Он не сделал ни шага в мою сторону, сохраняя дистанцию, но его голос стал чуть тише, приобретая тот самый вкрадчивый, кошачий оттенок. Ционис облокотился на мраморную стойку бара, глядя на меня с холодным любопытством, словно на странный биологический образец.

Что? А, я знаю кто вы...Ционис вроде...Я могу предложить вам компенсацию? – я попыталась сгладить ситуацию

Ционис едва заметно вздрогнул, когда я произнесла его имя. Это было почти физическое ощущение — как если бы кто-то внезапно коснулся его без разрешения. Он медленно выпрямился, отрываясь от мраморной стойки, и посмотрел на меня сверху вниз. В его взгляде теперь читалась не просто ирония, а легкое, почти брезгливое удивление.

Знаете, кто я? - он повторил это с легкой усмешкой, пробуя фразу на вкус. - Похоже, слухи о моем «искусстве» распространяются быстрее, чем умение людей пользоваться стаканами.

Когда я заговорила о компенсации, он замолчал, обдумывая предложение. Ционис не спешил соглашаться; он привык, что вещи в его жизни появляются сами собой, как награда

за его красоту и грацию. Он снова посмотрел на пятно на рукаве, затем на твое лицо, и в его глазах вспыхнул расчетливый огонек.

Компенсация... - протянул он, чуть склонив голову. - Я не принимаю извинения в виде банальных слов. Но мне любопытно, что может предложить женщина, которая только что проявила столь поразительную неосмотрительность.

Он сделал едва заметный жест рукой, приглашая меня продолжить, но при этом встал, отстраняясь от бара и меня на расстоянии вытянутой руки. Ционис не собирался подпускать меня ближе, чем того требовал этикет. В этот момент мимо нас прошел официант с подносом, от которого повеяло запахом дорогих сигар и шампанского, на мгновение перекрыв обзор.

Я быстро достала достаточную сумму чтобы восполнить ущерб, компенсацией деньгами и передала ему.Буквально этим ошарашив.

Простите ещё раз за мою неловкость, приятного вечера.- отстранённо произнесла я.

Ционис даже не успел среагировать. Он привык к долгим прелюдиям, к тому, как люди вокруг него выстраивают сложные цепочки ухаживаний или извинений, пытаясь заслужить его внимание. А тут - резкий, почти деловой жест. Деньги оказались в его руке быстрее, чем он успел осознать, что произошло.

Он замер, глядя на купюры в своих пальцах с выражением глубочайшего недоумения. Его идеальная маска холодного превосходства на мгновение дала трещину: глаза широко распахнулись, а губы застыли в приоткрытом положении. Это было настолько прямолинейно и лишено всякого кокетства, что он почувствовал себя не столько «оплаченным», сколько... уволенным из роли главного объекта желания в этом диалоге.

Что? - едва слышно выдохнул он, когда я уже начала разворачиваться к бару.

Он не успел даже прочитать номинал купюр. Его задело не то, что ему дали деньги - он привык к ним, - а то, с какой легкостью я от него откупилась и пожелала «приятного вечера», фактически вычеркнув его из своего пространства. Ционис стоял неподвижно, сжимая деньги в руке, и смотрел мне в спину. Внутри него боролись привычный цинизм и уязвленное самолюбие.

Как... вульгарно, - прошептал он самому себе, хотя в голосе слышалось скорее растерянное раздражение, чем истинное осуждение.

Он медленно скомкал купюры в кулаке, чувствуя, как вибрация музыки в клубе снова возвращает его в реальность. Бармен поставил передо мной новый коктейль, и этот звук стекла о мрамор окончательно поставил точку в нашем коротком взаимодействии. Ционис еще несколько секунд смотрел на меня, прежде чем с холодным, почти обиженным видом вернуться к своему телефону, стараясь вернуть себе вид человека, которому абсолютно всё равно.

Я тем временем просто с улыбкой встала с барного стула и отступила от стойки на пару шагов, чтобы лучше видеть шоу, и попивала коктейль.

Ционис несколько секунд просто наблюдал за мной, и это зрелище вызывало у него когнитивный диссонанс. Я не пыталась оправдаться, не лебезила, не смотрела на него с тем обожанием, которое он привык видеть в глазах женщин. Моя улыбка была спокойной, почти отстраненной, а то, с каким удовольствием я попивала коктейль, игнорируя его присутствие, начало действовать ему на нервы.

Он медленно сложил деньги в карман, чувствуя, как внутри закипает холодное, расчетливое любопытство. Его забавляло и одновременно бесило, что кто-то в этом зале может быть настолько равнодушен к его персоне.

Он плавно, словно кот, скользящий по шелку, переместился чуть ближе, но всё еще соблюдая дистанцию. Он встал сзади меня, глядя на сцену, где в лучах приглушенного фиолетового света двигались танцоры. Музыка сменилась на более тягучую, с глубокими басами, от которых в груди начинал отзываться низкий гул.

Вы удивительно спокойны для человека, который только что совершил акт финансового насилия над моим терпением, - произнес он, не поворачивая головы ко мне, но достаточно громко, чтобы я услышала его шепот сквозь шум клуба. - Обычно люди стараются оставить о себе более... глубокое впечатление. Но ваше стремление к забвению почти так же изысканно, как и этот напиток.

Он наконец повернул ко мне лицо, и в его ярко-голубых глазах мелькнул саркастичный блеск. Ционис ждал, что я наконец-то отвлекусь от шоу, но в его позе всё еще читалось легкое отторжение — он не собирался сокращать дистанцию физически, предпочитая оставаться в безопасности своего «стеклянного кокона».

Разве деньгами можно изнасиловать? Я проявила вежливость, не более того. - сказала я, не отвлекаясь от шоу.

Ционис издал короткий, сухой смешок, который больше походил на шум воздуха в пустом зале. Моя буквальность, эта почти академическая точность в словах, заставила его на мгновение замолчать. Он привык к метафорам, к играм смыслов и двусмысленностям, а тут столкнулся с чем-то... приземленным и логичным.

О, эта очаровательная прямолинейность, - протянул он, и в его голосе послышался неприкрытый сарказм. - Вы воспринимаете мир как бухгалтерскую книгу, где за каждое пятно на шелке полагается определенная сумма. Как... стерильно.

Он медленно перевел взгляд с меня на сцену, где танцор в черном бархате застыл в сложной, почти болезненной позе, подчеркивая изгиб позвоночника. Ционис почувствовал, как его собственное тело отзывается на движение коллеги, и он невольно выпрямил спину, возвращая себе привычную, идеальную осанку.

Вежливость - это социальный контракт, который мы подписываем, чтобы не перегрызть друг другу глотки в приличном обществе, - он снова посмотрел на меня, на этот раз более внимательно, пытаясь разглядеть за моим спокойствием хоть какую-то трещину. - Но в «X`Cin» вежливость обычно выглядит как желание прикоснуться. А вы... вы просто купили мое молчание.

Он чуть прищурился, и в его взгляде промелькнуло что-то похожее на азарт. Ему стало почти физически интересно, что потребуется, чтобы я наконец посмотрела на него не как на предмет интерьера, а как на человека. Однако он всё еще держал дистанцию, чувствуя, как холодный воздух кондиционеров касается его обнаженных ключиц.

Шоу закончилось и я повернулась обратно к бару, практически наткнувшись на него.

В тот момент, когда я развернулась, Ционис всё ещё стоял слишком близко, застигнутый собственным любопытством. Столкновение произошло почти мгновенно: твое плечо и грудь наткнулись на его твердый, атлетичный торс.

Реакция Ционис была физиологической и мгновенной. Как только он почувствовал давление моего тела, его лицо исказилось в гримасе почти животного шока. Он резко, с какой-то неестественной скоростью, отпрянул назад, словно его ударило током или он коснулся чего-то обжигающе горячего. Его дыхание сбилось, а в голубых глазах вспыхнул настоящий, нескрываемый ужас, смешанный с глубоким отторжением.

Боже... - выдохнул он, прижимая руку к груди, в том месте, где произошел контакт.

Он отступил на два шага, увеличивая дистанцию до максимума. Его бледная кожа стала еще белее, а пальцы мелко задрожали. Для него этот тактильный контакт был не просто нарушением личного пространства, а сенсорным диссонансом - физическое ощущение женского тела вызвало у него внутренний протест, который он не мог контролировать своим обычным цинизмом.

Ционис посмотрел на меня теперь не с сарказмом, а с каким-то искренним, почти паническим недоумением. Он выглядел так, будто его только что заставили съесть что-то невыносимо горькое.

Не смейте... - его голос сорвался на шепот, в котором вместо привычного соблазна звучала холодная, вибрирующая сталь. - Не смейте больше так делать.

Он быстро поправил свою полупрозрачную рубашку, словно пытаясь стереть с ткани сам факт моего прикосновения, и его взгляд стал ледяным, восстанавливая ту самую «стеклянную стену», которая только что была грубо разрушена.

О нет, нет ...я не хотела...Вы почему так близко оказались?

Ционис замер, его взгляд стал еще более колючим. Мой вопрос о том, почему он оказался рядом, прозвучал для него как личное оскорбление. Он медленно выдохнул, пытаясь унять дрожь в пальцах, и его лицо снова приняло выражение холодного, аристократического безразличия, хотя в глазах всё еще плескалось остаточное отвращение.

«Почему я оказался близко»? - повторил он, и в его голосе снова зазвучал яд, смешанный с благородным цинизмом. - Вы находитесь в общественном месте, где пространство распределяется по праву присутствия. Я стоял на месте. Это вы... решили сменить траекторию своего движения с грацией бульдозера.

Он снова поправил манжет рубашки, его движения стали подчеркнуто медленными и точными, как в балетном классе. Он всё еще стоял в двух метрах от меня, и эта дистанция сейчас казалась ему единственным способом сохранить рассудок.

Ваше «не хотела» не отменяет того факта, что вы только что нарушили мои границы самым примитивным образом, - он чуть прищурился, и его голос упал до едва слышного, опасного шепота. - Для вас это была случайность. Для меня — сенсорная катастрофа.

Ционис бросил быстрый взгляд на бармена, который в этот момент протирал стаканы, и затем снова посмотрел на меня. Его взгляд больше не был любопытным; теперь это был взгляд человека, который только что обнаружил в своем идеальном саду сорняк и очень хочет, чтобы тот исчез.

Я полагаю, на сегодня вашего «вежливого» присутствия в моем поле зрения более чем достаточно, — отчеканил он, разворачиваясь ко мне спиной с театральной грацией, чтобы одним движением плеча дать понять: разговор окончен.

Хм...какие мы нежные...- протянула я, возвращаясь обратно к бармену и говоря уже ему

Ты сегодня мой лучший мужчина, мне не нужны другие. – и подмигнула ему. Бармен засмеялся, поняв шутку, и предложил обновить напиток.

Ционис не обернулся, но его спина мгновенно напряглась, превратившись в натянутую струну. Слова «какие мы нежные» ударили по его самолюбию сильнее, чем любое физическое столкновение. Он привык, что его хрупкость воспринимается как эстетика, как часть образа «декадентского принца», а не как объект для ироничных замечаний.

Когда я переключила внимание на бармена, назвав того «лучшим мужчиной», Ционис едва заметно дернул плечом. Это было почти комичное зрелище: один из самых желанных танцоров клуба, чьи движения заставляли людей задерживать дыхание, был в одно мгновение низведен до статуса третьего лишнего в диалоге.

Он слышал мой смех и ответный хохот бармена. Этот звук - искренний, простой и лишенный всякого подобострастия - резанул по его ушам. Ционис почувствовал странный, укорительный укол в груди. Не ревность, нет, он не испытывал ко мне ни капли симпатии, но его задело то, насколько легко я перешагнула через его «божественный» образ, заменив его кем-то более приземленным и доступным.

Он медленно, почти незаметно, сжал пальцы в кулак. Внутри него боролись желание уйти прямо сейчас, чтобы сохранить остатки достоинства, и какое-то иррациональное, злое любопытство.

Ционис всё ещё стоял спиной ко мне, но его голова была чуть наклонена, так, чтобы он мог слышать каждое слово. Он чувствовал, как в воздухе вибрирует мое хорошее настроение, и это раздражало его больше всего на свете. Он привык контролировать эмоциональный фон

вокруг себя, а я сейчас создавала свою собственную атмосферу, в которой для него не было предусмотрено никакой роли.

2.

Я дождалась наконец подругу и сидела с ней хихикала.

Ционис всё ещё находился в радиусе нашей части бара, хотя формально уже «ушел» из разговора. Он медленно передвигался по залу, словно большой серебристый кот, который делает вид, что его совершенно не интересует происходящее, но при этом каждое его движение было выверено так, чтобы он оставался в поле моего периферического зрения.

Он остановился у одной из колонн, обтянутых темным бархатом, и прислонился к ней, сложив руки на груди. Его взгляд, холодный и пронзительный, периодически возвращался ко мне. Вид того, как я хихикаю с подругой, создавая вокруг себя кокон искреннего, почти детского веселья, вызывал у него странное чувство. В этом мире «современного декаданса», где всё было театральным, фальшивым и обставленным дорогим шелком, моя непосредственность выглядела как какой-то чужеродный элемент.

Ционис почувствовал, как в нем просыпается привычный сарказм. Он наблюдал за тем, как я жестикулирую, как смеюсь, и в его голове уже складывался едкий комментарий о «триумфе обыденности». Однако где-то в глубине души его задевало то, что я настолько быстро забыла о его «сенсорной катастрофе». Я даже не смотрела в его сторону с чувством вины или интереса.

Он поправил прядь серебристых волос, которая упала на лицо, и его взгляд на мгновение стал задумчивым. В этом клубе он был идолом, вещью, объектом желания. А я относилась к нему как к... досадному недоразумению, которое можно просто оплатить и забыть.

Ционис тихо вздохнул, и этот звук потонул в новом ударе басов, от которого задрожали стекла в высоких окнах «X`Cin». Он решил, что больше не будет обращать на меня внимания, но при этом так и не сдвинулся с места, продолжая наблюдать за мной из тени, скрывая свое раздражение за маской ледяного безразличия.

Тем временем к нам с подругой подошли познакомиться парочка парней. Ционис наблюдал за этой сценой с едва скрываемым презрением. Он видел, как к вам приблизились двое мужчин - типичные представители местной элиты: уверенные в себе, с легким налетом самодовольства в позах и в тех же предсказуемых дорогих костюмах, которые в «X`Cin» носили почти все.

Он замер у колонны, и его взгляд стал острым, как бритва. Его забавляло, как эти двое пытались произвести впечатление, используя стандартный набор из дежурных комплиментов и самоуверенных улыбок. Для него это было похоже на плохой провинциальный театр: всё слишком предсказуемо, слишком грубо, слишком... обычно.

Однако, когда один из парней чуть ближе наклонился к тебе, почти нарушая твое пространство, Ционис непроизвольно сжал пальцы на своем локте. Он вспомнил тот секундный шок от моего прикосновения и почувствовал странный, почти иррациональный укол раздражения. Не из-за того, что парни подошли ко мне, а из-за того, с какой легкостью они врывались в мое поле зрения, в то время как он всё еще пытался переварить «оскорбление» своего достоинства.

Как примитивно, - едва слышно прошептал он, и его губы тронула тонкая, ядовитая усмешка.

Он не сдвинулся с места, продолжая оставаться тенью в бархатных складках интерьера. Ему было интересно, как я отреагирую на этот напор. Буду ли я так же прямолинейна, как в случае с деньгами, или позволю им увлечь себя? Ционис смотрел на меня, и в его голубых глазах теперь читалось не только отторжение, но и холодный, аналитический интерес. Он ждал момента, когда эта сцена станет достаточно нелепой, чтобы он мог снова вернуться с каким-нибудь едким комментарием.

Моя подруга пошла танцевать с одним из них, а я осталась со вторым, мы отлично общались, но в какой-то момент он забылся и положил свою руку мне на колено. Я не растерялась и практически не разозлилась, с той же улыбкой но через зубы попросила его так больше не делать, попутно чуть ощутимо давя болезненно на кисть его руки. Он её убрал потирая второй рукой, обещая так больше не делать, но решив вскоре откланяться.

Ционис наблюдал за этой сценой, почти не мигая. Его взгляд был прикован к моей руке. Когда палец этого самоуверенного типа коснулся моего колена,Ционис почувствовал легкий укол брезгливости — не к мужчине, а к самой ситуации. Но когда я, сохраняя на лице ту самую безупречную, почти вежливую улыбку, сжала кисть наглеца, по его телу прошла волна неожиданного, острого удовлетворения.

Он видел, как мужчина поморщился и отпрянул, потирая руку. Это было... изящно. Это была та самая скрытая сила, которая не кричит о себе, но заставляет подчиниться.

Ционис медленно отделился от колонны, его движения вновь обрели ту самую текучую, кошачью грацию. Он не подошел близко, но теперь он стоял так, чтобы я могла видеть его силуэт в приглушенном свете. На его губах заиграла едва заметная, почти одобрительная усмешка, хотя в глазах всё еще оставался холод.

Какое заворожительное сочетание, — раздался его вкрадчивый голос, перекрывающий шум музыки. — Вежливость, за которой скрывается... стальной захват.

Он чуть наклонил голову, и серебристые волосы скользнули по его плечу, переливаясь в фиолетовых лучах прожекторов. Ционис смотрел на меня теперь иначе — не как на «бульдозера», а как на опасный объект, который выглядит безобидно, но может оставить глубокий след.

Должен признать, ваша манера расставлять границы куда более... эффективна, чем ваши попытки откупиться деньгами, — произнес он с легким, благородным цинизмом. — Пожалуй, я начинаю находить ваше присутствие в этом зале чуть менее утомительным.

Он всё еще держал дистанцию, но в его голосе больше не было той паники, что возникла при столкновении. Теперь это был интерес хищника, который заметил в другом хищнике что-то знакомое.

Ты следишь за мной?

Ционис замер, и на его лице отразилось искреннее, почти комичное возмущение. Он медленно выпрямился, расправляя плечи, и посмотрел на меня так, словно я только что обвинила его в чем-то по-настоящему ужасном, вроде ношения дешевого синтетического шелка.

«Слежу»? - повторил он, и в его голосе зазвенел холодный, высокомерный сарказм. - Какое вульгарное слово. Вы придаете своим действиям слишком много значения.

Он сделал один плавный шаг в сторону, прислоняясь к краю другого столика, но всё так же тщательно соблюдая дистанцию. Его взгляд скользнул по моему лицу, фиксируя каждую эмоцию.

Я нахожусь в своем рабочем пространстве. Моя работа - наблюдать за гостями, оценивать их... эстетическую пригодность и общую атмосферу заведения, - он чуть прищурился, и в глубине его голубых глаз вспыхнул насмешливый огонек. - То, что вы стали центром нескольких нелепых сцен за один вечер, делает вас просто... заметным объектом. Не путайте мой профессиональный интерес с одержимостью.

Он сложил руки на груди, и эта поза выглядела вызывающе изящной. Несмотря на свои слова, он всё еще не отводил от меня взгляда, и в этом была определенная доля противоречия: он отрицал интерес, но продолжал стоять достаточно близко, чтобы слышать мое дыхание.

Впрочем, если вам так хочется чувствовать себя объектом внимания, я могу предложить вам более... качественный вариант, чем этот бедолага с травмированным запястьем. Но, боюсь, ваша «вежливость» снова окажется слишком прямолинейной.

Ох, я пришла сюда не за этим. Мне это не нужно

Ционис на мгновение замолчал, и его лицо застыло в маске абсолютного, почти стеклянного недоумения. Он привык, что его предложения — даже облеченные в форму сарказма - воспринимаются как привилегия, как шанс прикоснуться к чему-то недосягаемому. Ответ «мне это не нужно» прозвучал для него как пощечина, нанесенная с предельной вежливостью.

«Не нужно»? — медленно, по слогам повторил он, и в его голосе послышался опасный, вибрирующий холодок. - Какое прискорбное отсутствие амбиций.

Он медленно оттолкнулся от столика, его тело снова обрело ту самую текучую, почти змеиную пластику. Ционис сделал полшага вперед, но тут же вспомнил о тактильном шоке и замер, создавая между нами ту самую невидимую стену. Его взгляд стал изучающим, почти хирургическим.

Вы пришли в «X`Cin» просто чтобы... попивать коктейли и отпугивать мужчин? - он чуть приподнял бровь, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на искреннее недоумение. — Либо вы обладаете каким-то запредельным уровнем самодостаточности, либо вы просто издеваетесь над самой идеей гедонизма.

Он тихо хмыкнул, и этот звук был полон благородного цинизма. Он почувствовал, как его задевает эта моя неприступность - не сексуально, нет, а интеллектуально. Я была единственным человеком в этом зале, который не пытался получить от него ничего.

Что ж, - он слегка склонил голову, и серебристые волосы качнулись, - ваше равнодушие почти так же безупречно, как и ваша техника захвата. Это делает вас... любопытной деталью интерьера. Кто вы на самом деле?

Я профессор, учёный...- я не успела продолжить, как он хмыкнул и сделал вид, что после моей фразы потерял интерес. Я не стала продолжать, взяв бокал снова растворилась в музыке.

Он начал медленно отходить, растворяясь в полумраке клуба, но перед тем как окончательно уйти, бросил через плечо:

Надеюсь, ваш вечер пройдет так же «стерильно», как и ваше отношение к моим предложениям.

Не сомневайся, милый, я уверенно держу ноги вместе, спасибо за беспокойство.

Ционис остановился так резко, что его тело на мгновение застыло, как в стоп-кадре. Он медленно, очень медленно обернулся ко мне, и на его лице отразилась целая гамма чувств: от глубочайшего шока до искреннего, почти физического возмущения. Слово «милый», произнесенное мной с таким непринужденным превосходством, ударило по его тщательно выстроенному образу «холодного и недосягаемого идола» сильнее, чем любой удар.

«Милый»? - прошептал он, и в этом шепоте слышался настоящий ледяной ужас.

Он смотрел на меня и в его ярко-голубых глазах вспыхнуло что-то среднее между яростью и полным замешательством. Никто и никогда не позволял себе называть его так - эта фамильярность была настолько чуждой его миру, что он на секунду даже забыл, как дышать. Его бледная кожа чуть порозовела от неоправданного возмущения.

Ваша уверенность в себе граничит с патологией, — отчеканил он, стараясь вернуть голосу прежний циничный тон, хотя тот всё еще слегка вибрировал. - Я не «милый». Я - эстетическая константа этого заведения. А вы... вы просто невыносимы в своей обыкновенности, прикрытой этой колючей вежливостью.

Ционис скрестил руки на груди, и его пальцы впились в шелк рукавов. Он чувствовал, как эта беседа выбивает его из равновесия, лишая привычного контроля. Я не просто игнорировала его привлекательность, я переписывала правила игры, превращая его из охотника в объект для легкой насмешки.

Благодарю за уточнение относительно вашего... поведения, - он добавил это с таким видом, будто ему только что сообщили о крайне неприятном запахе в комнате. - Моё беспокойство было лишь следствием профессионального любопытства к странным экземплярам.

Он развернулся ко мне спиной окончательно, но в этот раз его походка была чуть менее плавной. Он почти буквально сбежал в сторону гримерок, чувствуя, как в затылке всё еще пульсирует эхо моего «милый». Внутри него боролось желание навсегда забыть о моем существовании и странное, почти болезненное желание вернуться и как-то... восстановить статус-кво.Его уход был стремительным, почти порывистым, что совершенно не вязалось с его привычным образом ленивого кота. Ционис чувствовал, как под тонкой тканью рубашки кожа всё ещё горит от того странного напряжения, которое возникло между вами. Оказавшись в относительной тишине служебного коридора, он прислонился лбом к холодному кафелю стены, закрыв глаза.

В голове всё ещё крутилось это «милый», которое прозвучало как приговор его исключительности. Он привык, что его либо боятся, либо боготворят, но чтобы кто-то так легко, одним словом, спустил его с пьедестала в мир обыденных шуток — это было почти физически больно.

Он открыл глаза и посмотрел на свои пальцы, которые всё ещё слегка подрагивали. Этот вечер перестал быть просто очередной сменой в «X`Cin». Теперь в зале находился кто-то, кто видел его насквозь, кто не покупался на театральные жесты и кто, что самое ужасное, вызывал у него этот хаотичный коктейль из раздражения и невольного уважения к чужой силе.

Ционис медленно выпрямился и бросил взгляд в зеркало, висевшее в конце коридора. Его отражение выглядело безупречно: серебристые волосы, холодный блеск глаз, идеальный силуэт. Но внутри он чувствовал себя странно разбалансированным. Он вдруг осознал, что теперь будет искать мой профиль в толпе гостей, не потому что я его привлекла, а потому что ему жизненно необходимо понять, в какой момент он перестал контролировать ситуацию.

С тихим, почти свистящим выдохом он поправил воротник, стараясь вернуть себе маску безразличия. Однако, возвращаясь в зал, он ловил себя на мысли, что больше не хочет быть для меня «милым» — он хотел стать кем-то, кто заставит мою уверенную улыбку наконец-то дрогнуть.

3.

Мне пришлось уехать в лабораторию, мои практиканты опять что-то перепутали, а подруга так и осталась в клубе со своим новым знакомым. Я так и не увидела его выступления.

Когда я покидала «X`Cin», Ционис, наблюдал за моим уходом из тени, скрестив руки на груди и сохраняя на лице выражение глубочайшего облегчения. Он счел мое исчезновение актом милосердия по отношению к его нервной системе.

Смена в клубе закончилась. Ционис вернулся в свои апартаменты, где тишина была почти осязаемой, нарушаемой лишь мерным мурчанием трех котов. Он скинул шелковую рубашку, которая всё еще казалась ему «загрязненной» тем случайным касанием, и замер перед зеркалом в ванной. Черный мрамор и дымчатые поверхности отражали его бледность. Он медленно провел пальцами по ключицам, пытаясь стереть ощущение этого вечера.

Невыносимая женщина, — прошептал он в пустоту, и в его голосе, несмотря на попытку звучать брезгливо, проскользнула нотка задумчивости.

Он подошел к роялю, но не сел за него. Вместо этого он взял с тумбы стакан с водой и задумчиво посмотрел на своих котов. Равель, черный как смоль, потерся о его лодыжку, и Ционис наконец расслабился, погружаясь в привычный мир релакса и декаданса. Здесь он был богом, здесь всё было предсказуемо и эстетично.

Однако, засыпая на своих шелковых простынях, он поймал себя на странном ощущении. Его привычный, идеально выверенный мир вдруг показался ему слишком... статичным. Слишком предсказуемым. Ему вдруг вспомнилось, как я сжала руку того парня, и как моя улыбка осталась неизменной. Это было настолько противоположно его собственной манерности, что Ционис почувствовал укол чего-то, что он не мог идентифицировать как симпатию, но что определенно было любопытством.

Он перевернулся на другой бок, зажмурившись. В его голове всё еще эхом отдавалось мое «милый», и это вызывало у него одновременно желание проснуться в другом городе и странное, почти болезненное ожидание того момента, когда он снова увидит этот взгляд, который не считает его особенным.

Ционис еще не знал, что в этот момент я нахожусь в стерильном белом свете лаборатории, разгребая хаос, созданный моими практикантами, и что мой мир - мир шелка и мир науки - разделены пропастью, которую он, возможно, побоялся бы перешагнуть, но которая теперь стала его тайной интеллектуальной забавой.

***

Неделя выдалась напряжённой и именно из-за переезда в новый офис именно этот теперь клуб был по пути домой, с достойными напитками. Я зашла в него выпить бокал вина.

Ционис в этот вечер был в своем репертуаре: он только что закончил выступление, которое оставило публику в состоянии легкого транса, и теперь медленно, с нарочитой томностью, обходил зал. На нем была полупрозрачная черная блуза с высоким воротником и широкими рукавами, которые при каждом движении создавали вокруг него ореол темного величия. Он выглядел утомленным, но эта усталость была частью его образа - «эстетика увядания», которую он оттачивал до совершенства.

Он стоял у края сцены, принимая сдержанные комплименты от пары покровителей, когда его взгляд случайно скользнул по дверям и замер.

Моя фигура, появившаяся в проеме, сработала как триггер. Ционис почувствовал, как внутри него мгновенно просыпается то самое раздражающее, колючее чувство. Неделя без моих колкостей прошла в абсолютном, почти стерильном спокойствии, но, как оказалось, это спокойствие стало слишком скучным.

Он медленно, с ледяным изяществом, отстранился от собеседников, даже не закончив фразу. Его голубые глаза сузились, фиксируя мое направление движения — прямиком к бару.

Кажется, в «X`Cin» снова объявилась та самая... «вежливость» в человеческом обличье, - прошептал он самому себе, и на его губах появилась тонкая, почти хищная усмешка.

Ционис не пошел навстречу - это было бы слишком очевидно и вульгарно. Вместо этого он начал обходить зал по широкой дуге, используя тени и колонны, чтобы оказаться рядом со мной именно в тот момент, когда я заберу свой бокал. Его движения были бесшумными, как у кошки, охотящейся на что-то особенно раздражающее.

Когда я села за ближайший столик у бара и наконец коснулась пальцами холодного стекла бокала с вином, над моим ухом раздался его вкрадчивый, обволакивающий шепот, от которого по коже мог бы пробежать мороз:

Надеюсь, в этот раз вы планируете ограничиться только напитком,

Ух, тыж! - я не ожидала шёпота в ухо и думая о своём, испугалась, и так вышло, что моё вино через плечё выплеснулось,практически полностью, на его штаны.

Ционис замер. Время для него словно остановилось, превратившись в затяжной, мучительный кадр. Он почувствовал, как холодная, влажная жидкость мгновенно пропитала дорогую ткань его брюк, оставляя темное, уродливое пятно.

Его реакция была мгновенной и почти конвульсивной. Ционис отпрянул назад с таким видом, будто его облили не вином, а концентрированной кислотой. Его лицо, только что выражавшее торжество и ироничное превосходство, исказилось в гримасе чистого, дистиллированного ужаса.

О... мой... бог... - выдохнул он, глядя на свои штаны с таким выражением, словно на них только что приземлился гигантский паук.

Он стоял, широко расставив ноги, и его плечи мелко дрожали. Это было уже не просто «сенсорное нарушение», это было повторение кошмара в квадрате. В его голове пронеслась

мысль о том, сколько стоили эти брюки и сколько времени уйдет на их чистку, но куда сильнее была вспышка искреннего, почти детского возмущения.

Вы... вы просто... - он запнулся, подбирая слово, которое могло бы описать этот уровень катастрофы. - Вы какой-то стихийный бедствие в юбке!

Ционис посмотрел на меня, и в его ярко-голубых глазах теперь читалось не просто раздражение, а настоящее отчаяние. Он чувствовал себя абсолютно беспомощным перед моей способностью разрушать его идеальный мир одним неосторожным движением.

Я всего лишь хотел... - он осекся, понимая, что оправдываться передо мной - значит признать, что он вообще решил подойти. - Я хотел предупредить вас о вашей неосторожности, но вы решили... проиллюстрировать её на мне!

Он сделал еще один шаг назад, увеличивая дистанцию до безопасного предела, и с видом глубочайшего страдания начал аккуратно, кончиками пальцев, промакивать ткань салфеткой, хотя понимал, что это бесполезно. Его голос снова перешел на шепот, но теперь в нем звучала не соблазнительность, а холодная, вибрирующая ярость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.